

Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): некоторые особенности морфологии глагола¹

1. Введение

Статья посвящена особенностям глагольной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» («Емынгъ ястопса», букв. «Священное сказание»). Мы рассмотрим инвентарь показателей и те особенности их употребления, о которых можно делать уверенные заключения по имеющимся в памятнике данным. Материал памятника сопоставляется со сведениями, доступными из описаний западных хантыйских диалектов. Языковые особенности памятника бесспорно указывают на то, что он относится именно к западной диалектной группе. Более точно его диалектная принадлежность априори неизвестна; данный вопрос требует разностороннего исследования, вклад в который призвана внести настоящая статья.

В статье не рассматриваются показатели глагольной деривации (аспекта, каузатива, декаузатива), а также употребление превербов. Не рассматриваются и способы выражения глагольного отрицания, поскольку в исследуемом памятнике, как и в целом в западных хантыйских диалектах, в этих случаях используются аналитические конструкции, а маркеры отрицания, в отличие от многих других уральских языков, не развивают особой парадигмы спряжения (ср., например, [Wagner-Nagy 2011: 77—79, 111, 149—152] и приводимые в цитируемой работе ссылки).

В работах предшественников глагольная морфология памятника «Священная история», насколько нам известно, не рассматривалась. Некоторые сведения о графической системе приводятся в [Moldanova, Normanskaia 2018]. Морфология имени рассмотрена в [Кашкин 2019].

Сведения об истории создания памятника и комментарии о процедуре его обработки были ранее приведены в [Кашкин 2019]. Напомним здесь кратко основную информацию.

Памятник «Священная история» был издан Тобольским комитетом православного миссионерского общества в 1900 г. и содержит свободный пересказ содержания Ветхого и Нового Завета для носителей хантыйского языка. В качестве авторов на титульном листе указаны священник Иоанн Егоров и дьячок Иоанн Попов. Данный этап развития хантыйской письменности описан в литературе как миссионерский (см., например, [Кошкарева 2013]). В этот период на хантыйский язык были переведены некоторые богослужебные тексты, что способствовало распространению христианства, а также были составлены религиозные и учебные издания на хантыйском языке. Для авторов таких текстов хантыйский язык зачастую не был родным (что можно предполагать и о составителях «Священной истории» — достоверные сведения об уровне их владения хантыйским языком нам неизвестны).

Памятник «Священная история» доступен в сканированном виде на сайте электронных коллекций Российской национальной библиотеки². Глоссированный текст памятника размещен в открытом доступе на платформе LingvoDoc (глоссирование выполнено автором данной статьи)³. Объем текста памятника составляет 14195 словоупотреблений. В оригинале памятника хантыйский текст сопровождается пословным подстрочным переводом на русский язык. В корпусе на LingvoDoc морфемная разбивка проведена по строке памятника. Глоссы для каждой словоформы даны на современном русском литературном языке с обозначением грамматических показателей латиницей. Перевод каждого предложения также дан на современном русском литературном языке; он составлен разработчиком корпуса на основе подстрочника, приведенного в оригинале. В отдельном поле для словоформ памятника указаны, где это возможно, их фонетические соответствия в казымском диалекте хантыйского языка в системе транскрипции из [Кошкарева, Соловар 2007].

В памятнике использован дореволюционный кириллический алфавит. Для обозначения фонемы /ŋ/ к нему добавлена графема *н*. Других букв для обозначения хантыйских фонем, отсутствующих в рус-

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

² Адрес сайта — <http://primo.nlr.ru/>. Поисковый запрос — «Емынгъ ястопса».

³ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/902/9/perspective/902/12/view>

ском языке, не добавлено. В примерах часто отражается озвончение шумных согласных в окружении гласных и сонорных, не имеющее фонологического статуса. Систематически отмечается словесное ударение (в некоторых словах, однако, знак ударения опущен).

Хантыйские примеры из памятника приводятся с сохранением записи источника в глоссированном виде. Литературные переводы взяты из корпуса на LingvoDoc. При каждом примере дается указание на страницу и строку в тексте памятника.

Во всех утверждениях о морфологической системе памятника мы опираемся на примеры, встретившиеся в нем не менее трех раз (при этом в тексте статьи может цитироваться меньше примеров, иллюстрирующих конкретное явление, особенно если оно хорошо известно из описаний хантыйского языка). Случаи привлечения менее частотных примеров специально оговариваются.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 рассматриваются показатели индикатива в активном и пассивном залогах. Раздел 3 посвящен формам косвенных наклонений — в первую очередь императиву, а также эвиденциальным формам. В разделе 4 обсуждаются нефинитные формы. В разделе 5 подводятся итоги.

2. Показатели индикатива

2.1. Активный залог

Глагольные формы индикатива могут относиться в хантыйском языке к активному или к пассивному залого. Это верно и для рассматриваемого памятника. Активный залог не имеет специализированных показателей. О выражении пассивного залога см. раздел 2.2. В индикативе в западных диалектах хантыйского языка различается непрошедшее время и прошедшее время (см. такую же трактовку, в частности, в [Кошкарева 2011: 173]). В памятнике непрошедшее время имеет показатель *-л*, прошедшее время — показатель *-с*. Эти показатели обычны и для современного хантыйского языка, примеры их использования будут приведены далее в таблицах 1 и 2.

В [Николаева 1995: 140—141] выделяется также аналитическое будущее время, образуемое при помощи вспомогательного глагола *pitti* ‘падать; стать’. Такие сочетания встречаются и в памятнике. Мы рассматриваем их не как аналитические формы времени, а как конструкции с инхоативной (начинающей) семантикой, в частности потому, что глагол *pitti* может использоваться в них не только в форме непрошедшего времени, но и в форме прошедшего времени, см. иллюстрации из текста памятника в (1)—(2).

- (1) *Нынъ а'зе-нъ, а'не-нъ у'н-а та'-я, луи-л-а'ль*⁴
ты отец-POSS.2SG мать-POSS.2SG большой-ADV иметь-IMP он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]
ху'л-манъ о'лл-а, си сага'тъ сюнь ны'н-энь ни'т-ль,
слушать-CVV жить-IMP тот за счастье ты-2SG[DAT/ACC] стать-NPST
хуу но'бытъ му'у-на о'л-ды ни'т-л-энь.
долгий век земля-LOC жить-IPFV.PTCP/INF стать-NPST-2SG(.S.SG.O)

‘Почитай твоего отца, мать, живи, слушаясь их, за это тебе будет счастье, проживешь на земле долгий век’ [с. 40, строки 2—4]

- (2) *И родъ най пе'л-я То'рымъ юга'н-а по'их-ся-ты ни'д-эсь...*
один род солнце к-ILL бог вместо-ILL молить-DETR-IPFV.PTCP/INF стать-PST
‘Один род стал молиться солнцу вместо Бога...’ [с. 27, строка 1—2]

В хантыйском языке выделяются субъектный и субъектно-объектный типы спряжения. Показатели субъектного спряжения индикатива, встретившиеся в памятнике, и примеры словоформ представлены в таблице 1⁵. Для каждого показателя приводятся все его графические варианты, встретившиеся в тексте.

Показатели субъектного спряжения, представленные в таблице 1, стандартны для современных западных диалектов, ср. [Rédei 1965: 56; Honti 1986: 36—46; Николаева 1995: 122—123; Каксин 2007: 73—75; Кошкарева 2011: 176].

⁴ При глоссировании личных местоимений иллюстрируется, с одной стороны, их внутренняя форма (наличие посессивного маркирования), с другой стороны, падежное значение, которое может выражать данная форма. Подробнее см. [Koshkareva 2001; Кашкин 2019].

⁵ Обозначение «п/а» указывает здесь и далее на то, что соответствующие формы не встретились в памятнике. В скобках здесь и в последующих таблицах приводятся показатели, встретившиеся в памятнике менее трех раз.

Таблица 1. Лично-числовые показатели в субъектном спряжении индикатива

Число субъекта	Лицо субъекта	
SG	1 ⁶	<p><i>-эмь, -емь, -амь</i></p> <p><i>е'лем-л-эмь</i> стыдиться-NPST-1SG(.S.SG.O) 'стыжусь' [с. 8, строка 11]</p> <p><i>и'-л-емь</i> идти-NPST-1SG(.S.SG.O) 'стану (букв.: приду)' [с. 89, строка 1]</p> <p><i>ра'х-л-амь</i> мочь-NPST-1SG 'могу, имею разрешение' [с. 101, строка 5]</p>
	2	<p><i>-энь, -ань (-янь)⁷</i></p> <p><i>о'л-л-энь</i> быть-NPST-2SG(.S.SG.O) 'являешься' [с. 17, строка 6]</p> <p><i>ма'н-л-ань</i> идти-NPST-2SG 'идешь' [с. 18, строка 10]</p> <p><i>манд-л-янь</i> идти-NPST-2SG 'идешь' [с. 5, строка 12]</p>
	3 ⁸	<p>\emptyset</p> <p><i>вы-ль</i> брать-NPST 'берёт' [с. 34, строка 3]</p> <p><i>ве'р-ась</i> делать-PST 'он делал' [с. 24, строка 2]</p>
DU	1	n/a
	2	n/a
	3	<p><i>-энэнь, -анэнь, -нэнь</i></p> <p><i>ха'л-л-энэнь</i> умирать-NPST-3DU 'они двое умрут' [с. 51, строка 6]</p> <p><i>ё'гот-с-энэнь</i> приходить-PST-3DU 'они двое пришли' [с. 33, строка 4]</p> <p><i>о'л-л-анэнь</i> быть-NPST-3DU 'они двое являются' [с. 106, строка 14]</p> <p><i>о'-с-нэнь</i> быть-PST-3DU 'они двое были' [с. 109, строка 2]</p>

⁶ Показатели с начальным гласным *э/е* в 1 л. ед. ч. и 2 л. ед. ч. неоднозначны, поскольку в силу того, что фонема */э/* передается в памятнике теми же буквами, что и гласные полного образования, они могут соответствовать и современным показателям *-эт, -эн* (субъектное спряжение), и современным показателям *-ет, -ен* (субъектно-объектное спряжение), см. также таблицу 2. Поскольку выбор между двумя типами спряжения определяется достаточно сложными информационно-структурными характеристиками (см., например, [Nikolaeva et al. 1993]), а правила, действовавшие на рубеже XIX—XX вв. на территории создания памятника, нам доподлинно не ясны, при глоссировании мы указываем, что данные показатели могут относиться как к субъектному, так и к субъектно-объектному спряжению.

⁷ Вариант *-янь* встретился один раз в приводимом далее примере.

⁸ Для форм 3 л. ед. ч. можно постулировать нулевой лично-числовой показатель. При глоссировании в корпусе памятника и в основанных на нем публикациях этот показатель не отмечается. Более подробное глоссирование форм, представленных в данной строке таблицы, могло бы выглядеть как *вы-ль-∅* (брать-NPST-3SG) и *ве'р-ась-∅* (делать-PST-3SG).

Число субъекта	Лицо субъекта	
PL	1	<p style="text-align: right;">-уу, -у⁹</p> <p><i>нумас-л-уу</i> думать-NPST-1PL 'думаем' [с. 5, строка 13]</p> <p><i>шо'йла-с-уу</i> тонуть-PST-1PL 'мы утонули' [с. 144, строка 12]</p>
	2 ¹⁰	<p style="text-align: right;">-аты, -ады, -еты, -ты, -ды</p> <p><i>та'й-л-аты</i> иметь-NPST-2PL 'имеете' [с. 80, строка 2]</p> <p><i>ли'т-л-еты</i> желать-NPST-2PL 'желаете' [с. 16, строка 6]</p> <p><i>ли-ль'-ды</i> есть-NPST-2PL 'съедите' [с. 15, строка 5]</p>
	3	<p style="text-align: right;">-ать (-эть)¹¹</p> <p><i>во'ли-л-ать</i> прекращать-NPST-3PL 'они прекращают' [с. 23, строка 6]</p> <p><i>ке'рла-л-эть</i> поворачивать-NPST-3PL 'они поворачивают' [с. 102, строка 9]</p>

Интересно отметить, что в «Священной истории» встречаются глагольные формы 3 л. дв. ч. при практически полном отсутствии форм дв. ч. существительных и местоимений (об этом см. [Кашкин 2019]). В большинстве случаев (7 примеров в тексте памятника) такие глагольные формы используются корректно, ср. (3), где описаны действия двух участников (Моисея и Аарона).

- (3) *Моисей лу'у а'-ель Аарон'нь пил'на То'рымь на'рд-опсы сага'ть*
 Моисей он брат-POSS.3SG Аарон с-LOC бог велеть-NMN за
Еги'неть хонь Фараон'нь хоз-я' ё'гом-с-энэнь,
 Египет царь Фараон у-ILL приходить-PST-3DU
Еврей родь Еги'неть му'у э'ульть во'г-ты пил'т-с-энэнь.
 Еврей род Египет земля из просить-IPFV.PTCP/INF стать-PST-3DU
 'Моисей с братом Аароном по Божию велению пришли к египетскому царю Фараону, стали про-
 сить отпустить еврейский народ с египетской земли' [с. 33, строки 3—5]

В двух случаях встретилось рассогласование, см. (4)—(5). В (4) при множественном субъекте ('апостолы') первое из серии однокоренных сказуемых выражено глаголом в форме дв. ч., тогда как последующие сказуемые выражены глаголами в форме мн. ч. В (5) говорится о действии трех участников (Лазаря, Марфы, Марии), однако глагол стоит в форме дв. ч.

⁹ Данный показатель в западных хантыйских диалектах имеет вид -эw, см. [Honti 1986: 117—122]. Представленные в памятнике варианты написания, по-видимому, свидетельствуют о билабиальном характере фонемы /w/ в говорах, положенных в основу текста, ср. именно такую артикуляционную характеристику этой фонемы в [Nikolaeva 1999: 6; Кошкарева, Соловар 2007: 74].

¹⁰ В вариантах с буквой *д* отражено позиционное озвончение согласного *t*, что проявляется в графике памятника и в других случаях.

¹¹ Вариант *-эть* встретился один раз в приводимом далее примере.

- (4) *Апо'стол-атъ и'мохты*¹² *Лу'у пи'ль-на о'-с-нэнь*, *Лу'-эль са'м-на*
 апостол-PL постоянно он с-LOC быть-PST-3DU он-3SG[DAT/ACC] сердце-LOC
та'й-манъ, иза' Лу'у я'зын-л-аль ху'л-ды вура'т-с-атъ,
 иметь-CVV все он слово-PL-POSS.3SG/3PL слышать-IPFV.PTCP/INF стремиться-PST-3PL
ху'л-ымъ я'зын-л-аль тага'нь са'м-на ша'у-с-атъ,
 слышать-PFV.PTCP слово-PL-POSS.3SG/3PL крепко сердце-LOC хранить-PST-3PL
топъ и веръ о'сь-ты антъ ве'рам-с-атъ.
 только один дело знать-IPFV.PTCP/INF NEG мочь-PST-3PL
 'Апостолы постоянно были с Ним, любили Его, стремились услышать все Его слова, крепко хранили в сердце услышанные слова и не могли знать только одного' [с. 109, строки 1—4]
- (5) *Си во'ж-на и хо Лазарь нэ а'пси-л-аль*
 тот город-LOC один мужчина Лазарь женщина младший.брат-PL-POSS.3SG/3PL
Ма'рѳа на Марія пи'ль-на о'-с-нэнь.
 Марфа ADD Мария с-LOC быть-PST-3DU
 'В этом селении жил один человек Лазарь с младшими сестрами Марфой и Марией' [с. 115, строки 1—2]

В тексте «Священной истории» мы выявили более 20 случаев, когда при двойственном референте глагол использован в форме мн. ч., что свидетельствует о неустойчивости двойственного числа в языке памятника. В (6) сказуемое выражено глаголом в форме мн. ч. при субъектной именной группе, содержащей количественное числительное 'два'. В (7) формы мн. ч. глаголов употреблены сначала при сочиненной группе, относящейся к двум референтам ('Иоаким и Анна'), а затем при местоимении 3 л. дв. ч. В имеющихся описаниях хантыйского языка такие случаи рассогласования не зафиксированы, см. [Николаева 1995: 189—190; Каксин 2007: 109—110]. Пример (6) был бы неграмматичным в современном языке по крайней мере для казымского диалекта (В. Н. Соловар, личное сообщение).

- (6) *Ра'й ку'топ-на катъ хора'з-ынъ юхъ ло'й-с-атъ.*
 рай середина-LOC два внешность-ATTR дерево стоять-PST-3PL
 'Посреди рая стояли два красивых дерева' [с. 14, строка 6]
- (7) *Иоаки'мъ на А'нна пу'рс-яма-т-эль у'нд-ы о'-с-атъ,*
 Иоаким ADD Анна старый-PUNCT-IPFV.PTCP/INF-POSS.3PL до-ILL жить-PST-3PL
ня'времъ антъ та'й-с-атъ. Линъ аръ ситъ о'рын-на ты'жста-с-атъ,
 ребенок NEG иметь-PST-3PL они.DU много то за-LOC печалиться-PST-3PL
То'рымъ пе'л-я аръ пушь по'их-ся-с-атъ...
 бог к-ILL много раз молить-DETR-PST-3PL
 'Иоаким и Анна дожили до старости, и у них не было детей. Они очень печалились из-за этого, много раз молились Богу...' [с. 56, строки 6—9]

В таблице 2 представлены лично-числовые показатели в субъектно-объектном спряжении индикатива. Формы двойственного числа субъекта в памятнике отсутствуют. Используемые обозначения аналогичны таблице 1.

В 3 л. ед. ч. субъекта при дв. или мн. ч. объекта используются одинаковые показатели *-али* и *-ли*. Они глоссированы как показатели 3 л. ед. ч. субъекта в субъектно-объектном спряжении и разнесены в разные клетки таблицы 2 в зависимости от числа объекта, поскольку и в рассматриваемом памятнике, и в целом в современном хантыйском языке совместимы с различными числовыми характеристиками объекта. При ед. ч. объекта зафиксирован также вариант *-эли*, где буквой э, по-видимому, обозначена фонема /э/, как и в варианте *-али*. В современном языке показатели *-лi* и *-эллi* для обеих рассматриваемых клеток парадигмы отмечены также для шурышкарского диалекта, см. [Rédei 1965: 66; Кошкарева 2011: 177]¹³. Алломорф *-лi*, согласно указанным источникам, присоединяется к основам на гласный, а алломорф *-эллi* — к основам на согласный, что не противоречит и данным «Священной истории». Такая же система описана для казымского диалекта в [Каксин 2007: 78—80] (с конечным гласным показателем *e* вместо *ɨ*) и для приуральского диалекта в [Ядобчева-Дресвянина 2004: 97—106]. В [Николаева 1995: 139—140]

¹² В переводе этой единицы сохранен вариант, представленный в подстрочнике памятника и отличающийся от приводимого, например, в [Кошкарева 2011: 37].

¹³ В [Steinitz 1975: 47] отмечен также вариант *-эли*, точнее соответствующий написанию в памятнике.

Таблица 2. Лично-числовые показатели в субъектно-объектном спряжении индикатива

Число субъекта	Лицо субъекта	Число объекта	
		SG	DU или PL
SG	1	-эмь а'л-л-эмь показывать-NPST-1SG(.S.SG.O) 'я показываю его' [с. 121, строка 1] а'ль-с-эмь обещать-PST-1SG(.S.SG.O) 'я обещал это' [с. 32, строка 13]	n/a
	2	-энь лу'нут-л-энь читать-NPST-2SG(.S.SG.O) 'ты читаешь его' [с. 103, строка 10] ве'р-с-энь делать-PST-2SG(.S.SG.O) 'ты сделал это' [с. 20, строка 13]	n/a
	3	-али, -эли, -ли ве'р-с-али делать-PST-3SG.S.SO 'он сделал это' [с. 29, строка 12] ло'н-от-л-али входить-CAUS-NPST-3SG.S.SO 'он вводит его' [с. 69, строка 6] вы'-с-ли брать-PST-3SG.S.SO 'он взял его' [с. 31, строка 13] со'жем-с-эли мочить-PST-3SG.S.SO 'он намочил его' [с. 52, строка 11]	-али, -ли во'г-с-али звать-PST-3SG.S.SO 'он позвал их' [с. 29, строка 14] ё'ул-л-али бросать-NPST-3SG.S.SO 'он бросает их' [с. 85, строка 12] во'жта-с-ли гнать-PST-3SG.S.SO 'он изгнал их' [с. 8, строка 1]
PL	1	n/a	n/a
	2	(-лань) ¹⁴ ло'мот-та-лань надевать-CAUS-NPST.2DU/3DU/2PL.S.SG.O 'вы оденете его' [с. 101, строка 11]	n/a
	3	-эль ву'с-с-эль пересекать-PST-3PL.S.SG.O 'они пересекли его' [с. 36, строка 8] ше'н-с-эль бить-PST-3PL.S.SG.O 'они прибили его' [с. 133, строка 1]	n/a

¹⁴ Такая форма встретилась в памятнике только один раз в контексте субъекта 2 л. мн. ч. В современном хантыйском языке она возможна в нескольких клетках парадигмы, что отражено в глоссировании, однако в памятнике она зафиксирована только в данной клетке. В приводимом примере, по-видимому, отражен фонетический процесс слияния согласных *λ* из показателя непроедшего времени и из лично-числового показателя, однако делать об этом процессе какие-либо выводы на основании одного примера невозможно.

для основ на гласный противопоставлены лично-числовые показатели *-li* при ед. ч. объекта и *-alli* при мн. ч. объекта (в ряде говоров при дв. ч. и мн. ч.), однако подобная система в памятнике не представлена. В шеркальском и низямском диалектах рассматриваемые показатели имеют принципиально иной фонетический облик (*-te*, *-atte*) в соответствии с регулярными фонетическими соответствиями между хантыйскими диалектами, см. [Steinitz 1975: 222; Honti 1986: 117].

Учитывая, что в формах субъектного спряжения имеются сбои числового согласования подлежащего и сказуемого, связанные с дв. ч., было бы интересно проверить, соблюдаются ли правила числового согласования между сказуемым и прямым объектом при субъектно-объектном спряжении. Подходящий для этого материал, однако, крайне скуден: формы 1 и 2 л. ед. ч. не могут быть учтены при такой проверке, поскольку они графически совпадают для субъектного и субъектно-объектного спряжения, а формы 3 л. ед. ч. не противопоставлены по числу объекта. Как видно из таблицы 2, доступными для проверки остаются только формы 3 л. мн. ч. субъекта, ед. ч. объекта. В тексте памятника их встретилось 7, и все они использованы верно, см., например, (8).

- (8) *Си Е'мынъ Ио'сифъ ё'ж-а Архиере'-ятъ Марія' ка'тл-анта-с-эль*
 тот священный Иосиф рука-ILL архиерей-PL Мария держать-CAUS-PST-3PL.S.SG.O
э'ви-я ша'у-ды о'рын-на.
 девушка-ILL хранить-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 'Архиереи отдали Марию этому святому Иосифу, чтобы она осталась девой' [с. 59, строки 7—9]

2.2. Пассивный залог

В памятнике встречаются стандартные для хантыйского языка формы пассива с показателем *-a(j)*, за которым следуют лично-числовые показатели (в формах 3 л. ед. ч. это нулевой показатель, не выделяемый нами при глоссировании). В современном хантыйском языке алломорф *-a* используется в 3 л. ед. ч., в остальных формах выступает алломорф *-aj* (см., например, [Nikolaeva 1999: 30]). В примерах, зафиксированных в памятнике, представлено, по-видимому, то же распределение, несколько затемняемое неупорядоченной орфографией (а также отсутствием форм пассива с лично-числовым показателем, начинающимся на согласный), ср. форму *по'тлаю* — в современном казымском диалекте *рэт-λ-aj-эw* (мерзнуть-NPST-PASS-1PL) 'мы мерзнем' [с. 13, строка 6], а также разнобой в написании форм 3 л. мн. ч.: *во'ита-с-а-эть* (гнать-PST-PASS-3PL; каз. *wəʃət-s-aj-ət*) 'они были изгнаны' [с. 19, строка 7], *ла'быт-л-а-итъ* (кормить-NPST-PASS-3PL; каз. *ларэт-λ-aj-эт*) 'их кормят' [с. 80, строка 13]. В двух последних примерах составители памятника, вероятно, колебались при выборе способа отражения фонемы /j/, учитывая, что зияние в хантыйском языке запрещено (см., например, [Nikolaeva 1999: 6]) и материал памятника не дает оснований предполагать обратное (за исключением очевидных заимствований типа *Иоанн*, отклоняющихся от хантыйской фонотактики).

Важно также отметить, что в памятнике не встречается показатель пассива *-i(j)*, характерный, в частности, для шурышкарского [Кошкарева 2011: 179] и казымского [Каксин 2007: 83] диалектов, но нехарактерный для приуральского диалекта [Николаева 1995: 148; Ядобчева-Дресвянина 2004: 111—113]. Тем самым, в этом случае система памятника совпадает с системой приуральского диалекта.

В употреблении пассива, вместе с тем, отмечаются сбои. В современном хантыйском языке агентивный участник в пассивной конструкции кодируется локативом, а пациентивный участник кодируется номинативом (см., например, [Nikolaeva et al. 1993: 130—133]). Примеры этой модели (без учета контекстов с невыраженным агентивным участником) встретились в памятнике 14 раз, см. (9)—(10). В трех случаях зафиксированы примеры номинативного маркирования агентивного участника, ср. (11)—(12).

- (9) *...хо'ды метъ о'лынъ нэ'нхой То'рым-на ты'-улт-с-а.*
 как самый начало человек бог-LOC получаться-CAUS-PST-PASS
 '...как первый человек был сотворен Богом' [с. 10, строки 5—6]
- Си ва'нжи-на лу'у лапъ э'нэм-с-а.*
 тот трава-LOC он закрытие расти-PST-PASS
 'Эта трава их [упавшие семена] заглушила' [с. 84, строки 8—9]
- (11) *То'рымъ Еврей родъ ха'й-манъ антъ та'й-с-а...*
 Бог еврей народ оставлять-CVB NEG иметь-PST-PASS
 'Бог не оставлял еврейский народ...' [с. 37, строки 3—4]

- (12) *Хунь ло'у по'жахь ё'гт-опта-с-а, Апо'стол-атъ*
 когда лошадь детеныш приходит-CAUS-PST-PASS апостол-PL
ло'у саишь э'льты сахъ ле'рам-с-а...
 лошадь спина из шуба расстилать-PST-PASS
 'Когда привели жеребенка, апостолы расстелили одежды на его спину...' [с. 117, строки 11—12]

Кроме того, в конструкциях с пациентивным участником, выраженным местоимением, это местоимение используется не в ожидаемой форме номинатива, а в форме датива-аккузатива. Такие примеры встретились в памятнике шесть раз, см. (13)—(14). В (13) эта стратегия маркирования сосуществует с отсутствием локативного маркирования агентивного участника: тем самым, форма пассива использована в этом случае в падежной рамке, типичной для активной конструкции. В (14) дативно-аккузативное маркирование пациентивного участника сочетается с локативным маркированием агентивного участника.

- (13) *То'рымь антъ ере'ма-с-а лу'-эль...*
 Бог NEG забывать-PST-PASS он-3SG[DAT/ACC]
 'Бог не забывал его...' [с. 29, строка 5]
- (14) *...но'м-ынъ о'л-ды мунъ То'рымь А'зе-у-на луи-л-а'ль*
 верх-LOC быть-IPFV.PTCP/INF мы Бог отец-POSS.1PL-LOC он-PL-3SG/3PL[DAT/ACC]
ла'быт-л-а-ить.
 кормить-NPST-PASS-3PL
 '...их питает Бог Отец наш небесный' [с. 80, строки 12—13]

Проиллюстрированные сбои в употреблении пассивных конструкций было бы сложно объяснить диалектным варьированием, поскольку о фиксации каких-либо подобных примеров в современных хантыйских диалектах ничего не известно. По-видимому, в этом случае остается предполагать, что пассивные конструкции были недостаточно усвоены составителями памятника.

Формы пассива образуются и от некоторых непереходных глаголов изменения состояния ('сохнуть', 'засыпать', 'мерзнуть'), см. (15)—(16). Подобные образования были отмечены в монографии [Kulonen 1989: 133—151], посвященной пассивным конструкциям в обско-угорских языках. Ввиду малого объема доступного в памятнике материала мы можем только зафиксировать их, но не можем как-либо дополнить обобщения предшественников об их свойствах.

- (15) *...корабля' палъ ке'у лонлал-на со'р-с-а.*
 корабль высокий камень вершина-LOC сохнуть-PST-PASS
 '...корабль на вершине высокой горы высох' [с. 24, строки 8—9]
- (16) *Ма'н-м-ель пора'-на Лу'у во'им-с-а.*
 идти-PFV.PTCP-POSS.3PL время-LOC он засыпать-PST-PASS
 'Во время переправы Он уснул' [с. 86, строка 14; с. 87, строка 1]

3. Императив и эвиденциальные формы

3.1. Императив

Зафиксированные в тексте «Священной истории» показатели императива 2 л. представлены в таблице 3. Мы выделяем специальный показатель императива *-а*, к которому во 2 л. ед. ч. прибавляется нулевой показатель (не обозначаемый нами при глоссировании, как и нулевой показатель 3 л. ед. ч. индикатива). В других числах к этому показателю присоединяются соответствующие показатели 2 л. индикатива — кроме формы 2 л. ед. ч. субъекта, ед. ч. объекта, имеющей особый маркер. Такое устройство парадигмы типично и для современного хантыйского языка; в процедуре морфемного членения мы следуем, в частности, за [Honti 1986: 47; Николаева 1995: 125, 141; Abondolo 1998: 374—375]. Достаточно распространена и другая трактовка императивных форм, согласно которой выделяются кумулятивные личностно-числовые показатели императива (например, показатель IMP.2PL.S *-ати*), см. [Диденко 2010: 82—83; Кошкарёва 2011: 175; Онина 2019: 142]. В [Соловар и др. 2016: 130—131] в грамматических таблицах для разных западных диалектов сосуществуют оба решения. С материалом рассматриваемого памятника совместима любая из этих трактовок.

Формы дв. ч. субъекта не представлены в памятнике (формы, глоссируемые в соответствии с данными современных диалектов как DU/PL.S.SO, встретились в памятнике только с субъектом мн. ч.) Формы субъектно-объектного спряжения с объектом в дв. ч. или мн. ч. в памятнике не представлены. Формы

Таблица 3. Показатели императива 2 л.

Число субъекта	Субъектное спряжение	Субъектно-объектное спряжение (объект в SG)
SG	<i>-а, -я</i> <i>ман-а'</i> идти-IMP 'иди' [с. 27, строка 10]	(-и) <i>э'сл-и</i> отпускать-IMP.SG.SO 'отпусти' [с. 91, строка 5]
PL	<i>-а-ты, -а-ды, -а-ть, -а-дъ, -я-ть</i> <i>олл-а-ты</i> <i>ле'в-а-ды</i> быть-IMP-2PL <i>есть-IMP-2PL</i> 'будьте' [с. 64, строка 4] 'ешьте' [с. 15, строка 1] <i>ро'мм-а-ть</i> <i>ну'мос-а-дъ</i> успокаиваться-IMP-PL <i>думать-IMP-PL</i> 'успокойтесь' [с. 87, строка 8] 'думайте' [с. 80, строка 10] <i>е'нз-я-ть</i> пить-IMP-PL 'пейте' [с. 123, строка 14]	(-а-лнъ, -а-лнъ) <i>э'нас-а-лнъ</i> развязывать-IMP-DU/PL.S.SO 'развяжите его' [с. 116, строка 11] <i>ла'ри-т-а-лнъ</i> вращаться-CAUS-IMP-DU/PL.S.SO 'откатите его' [с. 116, строка 4]

субъектно-объектного спряжения с объектом в ед. ч. встречаются менее трех раз каждая, поэтому их показатели даны в таблице 3 в скобках.

Императивные значения с глагольными формами 3 л. ожидаемо выражаются аналитическими конструкциями с единицей *ать* 'пусть', добавляемой к формам непрошедшего времени индикатива, см. *ать а'гат-ль* (пусть собирать-NPST) 'пусть он соберет' [с. 34, строка 4], *ать во'ли-л-ать* (пусть прекращать-NPST-3PL) 'пусть они прекратят' [с. 23, строка 6].

Относительно форм субъектно-объектного спряжения отметим, что в шурышкарском диалекте показатели *-а-лән* (IMP-DU/PL.S.SO) используются, если хотя бы один из участников в переходной императивной предикации стоит не в ед. ч. (см., например, [Диденко 2010: 87; Онина 2019: 487]). В казымском диалекте эта парадигма устроена в основном так же, за исключением контекстов со 2 л. ед. ч. субъекта [там же]. В приуральском диалекте, согласно [Николаева 1995: 141], формы на *-а-лән* используются при 2 л. дв./мн. ч. субъекта, ед. ч. или мн. ч. объекта. Формы дв. ч. объекта, а также форма 2 л. ед. ч. субъекта, мн. ч. объекта кодируются особыми показателями. В памятнике встретилось всего два вхождения показателей вида *-а-лән* (с вариативностью в отражении согласного *п*). Обе они зафиксированы в контекстах 2 л. мн. ч. субъекта и ед. ч. объекта и помещены в соответствующую клетку таблицы 3. Эти данные соответствуют материалу современных западных диалектов. Форма императива 2 л. ед. ч. субъекта и ед. ч. объекта встретила в памятнике один раз — с показателем *-и*. Это соответствует данным приуральского, шурышкарского и низямского диалектов, см. [Honti 1986: 120; Николаева 1995: 141; Онина 2019: 437]. В казымском и шеркальском диалектах в этом случае используется показатель *-е*, см. [Steinitz 1975: 224; Диденко 2010: 85; Онина 2019: 437].

Требуют комментария формы множественного числа императива. В современных западных диалектах они типично имеют вид *-а-ти* (IMP-2PL), см. [Диденко 2010: 82—87; Кошкарева 2011: 175; Онина 2019: 437] и др. В тексте памятника устроенные таким образом формы встретились семь раз (включая примеры, где отражается позиционное озвончение согласного *д*), см. иллюстрацию в (17).

- (17) *Нынъ топъ веська'т-а, Торымъ на'рд-опсы сага'тъ о'лл-а-ты*
 вы только праведный-ADV бог велеть-NMN за жить-IMP-2PL
Торымъ но'быть о'л-опса юга'н-ты о'рын-на...
 бог век жить-NMN разделять-IPFV.PTCP/INF для-LOC
 'Вы только живите праведно, по Божьим заповедям, чтобы унаследовать вечное царство Божие...' [с. 81, строки 12—13]

В то же время 43 раза встретились в памятнике формы вида *-а-т*, см. иллюстрацию в (18).

- (18) *Ве'л-а-тъ во-я'нъ мусъ по'жахъ...*
 убивать-IMP-PL жир-ATTR корова детеныш
 'Убейте жирного теленка...' [с. 101, строка 12]

В некоторых работах формы вида *-a-t* (IMP-PL) отмечены наряду с формами на *-a-ti* (IMP-2PL) для шурышкарского диалекта [Rédei 1965: 64; Диденко 2010: 87; Онина 2019: 143, 487]. В описаниях других западных диалектов они не зафиксированы, см. данные приуральского диалекта в [Николаева 1995: 125; Ядобчева-Дресвянина 2004: 85—86], казымского диалекта в [Каксин 2007: 76]. Для низямского диалекта в [Honti 1986: 117] отмечены формы на *-a-tə*, также оканчивающиеся на гласный. В шеркальском диалекте, согласно [Steinitz 1975: 224], соответствующая клетка парадигмы заполнена показателем *-atŋ*, чего не наблюдается в тексте «Священной истории».

Относительно императивных форм на *-a-t* мы провели небольшой опрос носителей хантыйского языка — двух носителей шурышкарского диалекта и одного носителя казымского диалекта (доступа к носителям приуральского диалекта у нас не было). Все они оценили как возможную форму *tān-a-t* (идти-IMP-PL): один носитель шурышкарского диалекта утверждает, что она использовалась старшим поколением, другой — что она используется «в пренебрежительном отношении» (ср. рус. *Да идите вы!*), а носитель казымского диалекта счел ее возможной «в экспрессивной форме». Условия употребления таких форм, безусловно, требуют намного более подробного исследования, выходящего за рамки данной статьи (по тексту же памятника судить о различных прагматических нюансах не представляется надежным). В то же время нельзя исключать того, что в работах предшественников ареал распространения таких форм мог быть очерчен неполно: так, они не отмечены для казымского диалекта, но соответствующий пример не был отвергнут носителем; если верно, что такие формы были более распространены в речи старшего поколения, на что указал один из наших информантов, то они могли не попасть в современные описания. Поэтому вывод о диалектной принадлежности таких форм носит на данный момент только предварительный характер.

Происхождение императивных форм на *-a-t* неясно из работ предшественников и, по-видимому, может объясняться двумя сценариями. С одной стороны, маркер *-t* материально совпадает с показателем мн. ч. существительных и 3 л. мн. ч. глагольных форм индикатива (с точностью до наличия/отсутствия гласного *ə* в различном фонологическом окружении). Обе эти модели образования форм 2 л. мн. ч. императива возможны типологически, см. [Гусев 2013: 195]. Это отражено и в глоссировании данных форм. С другой стороны, можно предположить усечение конечного гласного в показателе *-ti*, которое может быть связано с семантикой экспрессивности, свойственной императивным формам. Примеры выпадения конечного гласного *-i* зафиксированы в хантыйских говорах и в других случаях, см. [Rédei 1965: 21; Николаева 1995: 46].

3.2. Эвиденциальность

В тексте памятника отмечены эвиденциальные формы — три вхождения форм прошедшего времени (см. иллюстрацию в (19)) и одно вхождение формы прошедшего времени (20). Эти формы стандартны для современных западнохантыйских диалектов. По происхождению они являются причастными (см., например, [Nikolaeva 1999: 132; Csepregi 2014: 202], о соответствующих причастиях см. раздел 4). Мы используем для них отдельную глоссу в эвиденциальных употреблениях, поскольку они употребляются в этом случае в конструкции, типичной для финитного глагола. Ввиду малого объема материала детальный анализ семантики этих форм в памятнике невозможен.

- (19) *Христось Иуда пе'л-я я'ста-сь: «ло'гс-ые, мо'с-льта-ты*
 Христос Иуда к-ILL говорить-PST друг-DIM быть.нужным-CAUS-IPFV.PTCP/INF
онда'с-на Ма'н-эмь ты'ни-т-энь ла'мба».
 помощь-LOC я-1SG[DAT/ACC] продавать-EVID.NPST-2SG как
 ‘Христос сказал Иуде: «Друг мой, ты же Меня предаешь своим поцелуем»’ [с. 126, строка 14; с. 127, строки 1—2]
- (20) *е'на: та'ми То'рымь Похь о'л-м-аль.*
 действительно это Бог сын быть-EVID.PST-3SG
 ‘Воистину это был Сын Божий’ [с. 135, строки 10—11]

4. Нефинитные формы глагола

В тексте «Священной истории» представлены формы двух типов причастий (одна из них также используется в функции инфинитива и служит базой для образования формы, трактуемой как супин, см. далее), номинализации и деепричастия. Следует оговорить, что нефинитные формы в хантыйском и в других уральских языках демонстрируют высокую полифункциональность, поэтому их наименования

могут быть в известной степени условны и различаться у разных авторов, см. об этой проблеме, например, [Ylikoski 2003].

Формы причастий подразделяются на имперфективные и перфективные¹⁵. Перфективные причастия имеют показатель *-мь*, в начале которого может также следовать буква, соответствующая фонеме /э/ в современных западных диалектах (ср. варианты *-амь*, *-емь*, *-омь*, *-ымь*, *-эмь*), ср. (21).

- (21) ...*топъ* *Ю'сифъ* *То'рымъ онда'с-на* *си* *ва'нд-амь* *у'л-ымь* *мола'*
 только Иосиф бог помощь-LOC тот видеть-PFV.PTCP спать-PFV.PTCP что
оль *хонъ пел-я'* *по'тард-асъ*.
 быть.NPST царь к-ILL говорить-PST
 '...только Иосиф с Божией помощью рассказал царю, что это за сон' [с. 29, строки 9—10]

Имперфективные причастия имеют показатель *-ты*. Встречается также вариант *-ды* с отражением на письме позиционного озвончения согласного, ср. использование обоих названных вариантов показателя в (22).

- (22) *То'рымъ Ной э'лты на'рд-асъ* *лу'у хотъ тэ'ль пиль-на*
 бог Ной из велеть-PST он дом полный с-LOC
кора'бль ли'би-я *ло'н-ды* *на ле'ль-ты*
 корабль внутренность-ILL входить-IPFV.PTCP/INF ADD грузить-IPFV.PTCP/INF
иза' во'-ять ро'т-л-ал-на.
 все зверь-PL род-PL-POSS.3SG/3PL-LOC
 'Бог велел Ною зайти на корабль со своей семьей и посадить всех зверей по родам' [с. 23, строки 11—13]

Относительно статуса рассматриваемой формы в литературе велись споры. Многие авторы трактуют ее в зависимости от синтаксического контекста как либо причастие, либо инфинитив (см., например, [Rédei 1965: 71—72; Николаева 1995: 143—144; Каксин 2007: 81—82]). В [Кошкарева 1990] описана полифункциональность данной формы в хантыйских диалектах в сопоставлении с некоторыми близкими нефинитными формами (в частности, с показателями *-та* и *-тижа*, см. также далее). О казымском диалекте, в частности, сообщается, что в нем «об отдельной форме инфинитива говорить нельзя» [там же: 89]. В нашем описании мы используем глоссу IPFV.PTCP/INF, иллюстрирующую полифункциональность этой формы, ср., например, ее использование и в атрибутивной позиции (что ожидаемо для причастия), см. (23), и в функциях сентенциального актанта и участника с семантической ролью цели (что ожидаемо для инфинитива), см. (24)—(25).

- (23) *Си аръ со'ж-ты* *муръ ку'т-на*
 тот много идти-IPFV.PTCP/INF народ промежуток-LOC
и кажанъ нэ о-съ.
 один больной женщина быть-PST
 'Среди тех многих идущих людей была одна больная женщина' [с. 88, строки 9—10]
- (24) *Си ё'нъ на'рд-опсы тумби-инъ, хо'лна аръ на'рд-опсы Моисе'й хоз-я'*
 тот десять велеть-NMN кроме-LOC еще много велеть-NMN Моисей у-ILL
То'рымъ ма'-съ, Е'мынъ хотъ ве'р-ды *на'рд-асъ*.
 бог давать-PST священный дом делать-IPFV.PTCP/INF велеть-PST
 'Кроме этих десяти заповедей, Бог дал Моисею еще много законов, велел построить храм' [с. 41, строки 4—6]
- (25) *Еги'петъ хонъ э'ви* *си ёга'нъ ин-а* *пе'уль-ды* *о'хл-асъ...*
 Египет царь девушка тот река вода-ILL купаться-IPFV.PTCP/INF спускаться-PST
 'Дочь египетского царя спустилась купаться в этой реке...' [с. 31, строка 11]

¹⁵ Ярлыки «имперфективное причастие» и «перфективное причастие» используются нами вслед за [Муравьев 2017а, б], где первичным параметром для описания семантики этих форм признается видовой ракурс. Еще раньше подобная трактовка была принята в [Rédei 1965: 73], где используются наименования “continuous participle” и “perfect participle”. В грамматических описаниях хантыйского языка эти формы чаще обозначаются как причастия настоящего (или настояще-будущего) времени и причастия прошедшего времени, см., например, [Николаева 1995: 144; Каксин 2007: 82; Кошкарева 2011: 180].

Форма рассматриваемого показателя различается в западных диалектах: в основном в них распространен аффикс *-ti* [Rédei 1965: 72—73; Каксин 2007: 81—82; Кошкарева 2011: 180], но в ряде западнохантыйских идиомов фиксируется аффикс *-ta* с функцией инфинитива: см. [Кошкарева 1990: 80—81, 85] о среднеобском и приуральском диалектах, [Николаева 1995: 142] об усть-полуйском говоре приуральского диалекта (в [Кошкарева 1990] материал приуральского диалекта рассмотрен кратко без подразделения на говоры). Текст исследуемого памятника в этой точке сходен с шурышкарским и казымским диалектами, а также с усть-собским говором приуральского диалекта, но не с усть-полуйским говором приуральского диалекта и не со среднеобским диалектом.

Обе формы причастий могут присоединять посессивные показатели, см. (26)—(27), что типично для западнохантыйских диалектов (см., например, [Кошкарева 1986]). В (27) перед посессивным показателем усекается гласный причастного показателя, что также ожидаемо по современным данным.

(26) *Е'масъ о'л-м-ель онда'с-на, Ио'сифъ родъ ше'нгъ*
хорошо жить-IPFV.PTCP-POSS.3PL помощь-LOC Иосиф род очень
у'н-а и-съ, Евре'й ро'д-а и-съ.
большой-ILL становится-PST еврей род-ILL становится-PST
'Благодаря тому, что им хорошо жилось, род Иосифа очень разросся, стал еврейским народом'
[с. 30, строки 7—8]

(27) *Хал-д-а'ль э'льби-инъ Иисусъ Навинъ*
умирать-IPFV.PTCP/INF-POSS.3SG перед-LOC Иисус Навин
Евре'й родъ э'льты на'рд-опсы ма-съ...
еврей род из велеть-NMN давать-PST
'Перед смертью Иисус Навин отдал повеление еврейскому народу...' [с. 44, строки 7—8]

В [Черемисина, Кошкарева 1991: 14—15; Кошкарева 2011: 182] для шурышкарского и приуральского диалектов выделяется также форма супина на *-тыя*, восходящая к сочетанию показателя имперфективного причастия (инфинитива) и аффикса дательного-направительного падежа (гlossируется как ILL в описании памятника, см. также [Кашкин 2019]). Она может использоваться в функции сентенциального актанта при некоторых типах матричных предикатов либо выражать целевую семантику. В исследуемом памятнике такая форма встретилась четыре раза, см. (28). Еще один раз она встретилась в виде *-ды-и*, что соответствует приуральскому варианту *-tiji* (см. [Николаева 1995: 143]).

(28) *...тамъ а'т-на нынъ хо'лымъ пушь Ма'н-эмъ*
этот ночь-LOC ты три раз я-1SG[DAT/ACC]
антъ о'сь-ты-я я'ста-л-энъ.
NEG знать-IPFV.PTCP/INF-ILL говорить-NPST-2SG(S.SG.O)
'...этой ночью ты три раза скажешь, что не знаешь Меня' [с. 123, строки 5—6]

В тексте памятника встречаются также формы номинализаций (отглагольных существительных) с показателем *-опсы* (*-епсы*, *-псы*), *-опса* (*-пса*), см. (29)—(31), ср. также форму *ясто-пса* (говорить-NMN) 'сказание' в названии памятника.

(29) *Нэ'нхо-ятъ веська'тъ Ной на'рд-опсы антъ ху'л-с-атъ...*
человек-PL праведный Ной велеть-NMN NEG слушать-PST-3PL
'Люди не слушали увещания праведника Ноя...' [с. 23, строки 6—7]

(30) *Веська'тъ Ной по'их-ся-псы То'рымъ са'м-на ё'гт-асъ...*
праведный Ной молить-DETR-NMN бог сердце-LOC приходить-PST
'Молитвы праведника Ноя отозвались в сердце Бога...' [с. 24, строки 11—12]

(31) *...хонъ о'л-опса э'ультъ ма'н-асъ...*
царь жить-NMN из идти-PST
'...ушел от царской жизни...' [с. 32, строки 3—4]

В [Николаева 1995: 56] в приуральском диалекте зафиксированы показатели *-psi*, *-pti* (последний отсутствует в тексте «Священной истории»). И формы на *-ы*, и формы на *-а* отмечены в [Диалектологический атлас ЯНАО] в приуральском и шурышкарском диалектах, см. *вэдэпсы* 'охота', *йэнтэпсы* 'игра', *йонтэпсы* 'рукоделие', *нотэпсы* 'помощь' vs. *арийэпса* 'пение', *воштэпса* 'перекочевка', *кэсэпса* 'соревнование', *хэсэпса* 'отметка' и др. Форма *-эпси* (*-упси*) с конечным *-i* зафиксирована и в казымском диалекте [Каксин 2007: 43]. В [Соловар 2014] для казымского диалекта также приводятся формы на *-ы*,

но не формы на *-a*. Тем самым, материал памятника совпадает в этом случае и с приуральскими, и с шурышкарскими данными.

В формах с показателем *-(o)псы* конечный гласный основы чередуется с *э* при добавлении посессивных показателей, см. *па'рд-опсэ-мь* (велеть-NMN-POSS.1SG) 'мое веление' [с. 15, строка 4], *у'нтл-т-апсэ-ль* (учиться-CAUS-NMN-POSS.3SG) 'его учение' [с. 78, строка 8]. В морфемном анализе таких единиц мы принимаем трактовку [Николаева 1995: 86], где гласный относится в подобном случае к основе, к которой присоединяется посессивный показатель.

В памятнике встречаются деепричастия с показателем *-мань*, употребительные и в современных западных диалектах:

(32) *Си сага'ть па по'х-л-аль Ио'сифь нура'ла-мань та'й-с-ать.*
 тот за ADD сын-PL-POSS.3SG/3PL Иосифь враждовать-CVB иметь-PST-3PL
 'Поэтому другие сыновья враждовали с Иосифом (букв.: имели Иосифа враждуя)' [с. 29, строки 1—2]

(33) *Арь сирь вой э'сла-мань шо'гад-ась, арь сирь па'льзимь*
 много способ зверь пускать-CVB мучить-PST много способ страшный
пи'льна э'сла-мань шо'гад-ась, хоть вой хо'нз-епсы, нэ'нхо хо'нз-епсы
 комар пускать-CVB мучить-PST дом зверь страдать-NMN человек страдать-NMN
э'сла-мань шо'гад-ась.
 пускать-CVB мучить-PST
 'Мучил [Бог египетскую землю], напуская многих зверей, напуская много страшных насекомых, мучил болезнями скота, болезнями людей' [с. 33, строки 7—9]

5. Заключение

В области глагольной морфологии материал памятника «Священная история» в основном сходен с описаниями западных хантыйских диалектов, в первую очередь приуральского и шурышкарского (по сравнению с казымским, низямским и шеркальским диалектами в ряде случаев наблюдаются фонетические отличия). Некоторые факты указывают на его близость к усть-собскому говору приуральского диалекта: отсутствие показателя пассива *-ij*, характерного для более южных идиомов; показатель инфинитива (имперфективного причастия) имеет вид *-ti*, но не *-ta* (последний характерен для усть-полуйского говора приуральского диалекта). В то же время показатель *-ti* распространен по западным хантыйским говорам очень широко, и в целом во многих аспектах глагольной морфологии системы западных говоров сходны. Поэтому было бы преждевременным делать на основании представленных в статье данных однозначный вывод о принадлежности памятника к усть-собскому говору. Для однозначного решения вопроса о диалектной принадлежности памятника необходимы, помимо исследований его морфологии, уже проведенных в этой статье и в [Кашкин 2019], дальнейшие исследования как текста памятника (в частности, его графики и лексики), так и современных западнохантыйских говоров, в том числе распространенных на границе территорий, где говорят на приуральском и шурышкарском диалектах.

Помимо этого, в памятнике зафиксированы три важных расхождения с предшествующими описаниями говоров приуральского диалекта. Однако они могут быть обусловлены не идиомными различиями, а неполнотой имеющихся описаний в первом случае и недостаточным усвоением хантыйской грамматики составителями памятника во втором и третьем случаях.

Во-первых, в формах императива 2 л. мн. ч. представлены, помимо ожидаемых форм на *-a-ti* (IMP-2PL), формы на *-a-t* (IMP-PL), отмеченные в литературе только для шурышкарского диалекта. В этом случае нельзя полностью исключать, что в других идиомах формы на *-a-t* оказались незамеченными авторами имеющихся описаний (ср. указание носителя казымского диалекта на допустимость таких форм).

Во-вторых, при практически полном отсутствии в тексте форм дв. ч. существительных и местоимений (см. также [Кашкин 2019]), в нем встречаются глагольные формы дв. ч. Однако в их употреблении типично рассогласование с субъектом — в первую очередь в тех случаях, когда при субъекте, отсылающем к двум референтам, используется глагол в форме мн. ч.

В-третьих, в памятнике отмечены сбои в оформлении аргументов при глаголах в форме пассива, чего ранее не фиксировалось в западнохантыйских диалектах.

Наличие таких примеров делает рассматриваемый памятник (как и другие подобные тексты) интересным социолингвистическим источником, поскольку он отражает результат усвоения, вероятнее всего, не родного для составителей языка, сопряженного с разработкой, пусть и достаточно стихийной, письменной нормы на этом языке.

Сокращения

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	IPFV.PTCP — имперфективное причастие
ACC — аккузатив	LOC — локатив
ADD — аддитивная частица	NEG — отрицание
ADV — адвербиализатор	NMN — номинализация
ATTR — атрибутивизатор	NPST — непрошедшее время
CAUS — каузатив	O — объект
CVB — деепричастие (конверб)	PASS — пассив
DAT — датив	PFV.PTCP — перфективное причастие
DETR — детранзитивизатор	PL — множественное число
DIM — диминутив	POSS — посессивность
DU — двойственное число	PST — прошедшее время
EVID — эвиденциальность	PUNCT — пунктив
ILL — иллатив	S — субъект
IMP — императив	SG — единственное число
INF — инфинитив	SO — субъектно-объектное спряжение

Общие

дв. ч. — двойственное число	мн. ч. — множественное число
ед. ч. — единственное число	рус. — русский язык
каз. — казымский диалект	

Литература

- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М., 2013. {Gusev V. Yu. Typology of imperative. M., 2013.}
- Диалектологический атлас ЯНАО — Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа // <http://atlas.philology.nsc.ru/> Дата обращения: 27.05.2019. {Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District // <http://atlas.philology.nsc.ru/> Accessed on 27.05.2019.}
- Диденко 2010 — Диденко А. В. Категория императива в угорских языках. Томск, 2010. {Didenko A. V. Category of imperative in the Ugric languages. Tomsk, 2010.}
- Каксин 2007 — Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007. {Kaksin A. D. The Kazym dialect of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2007.}
- Кашкин 2019 — Кашкин Е. В. Памятник хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900): именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2019, 2. С. 22—37. {Kashkin E. V. Khanty written monument «Saint history» (Tobolsk, 1900): nominal morphology // Ural-Altaic Studies. 2019, 2. P. 22—37.}
- Кошкарёва 1986 — Кошкарёва Н. Б. Закономерности лично-притяжательного оформления причастий в причастно-послеложных конструкциях хантыйского языка // Материалы XXIV Всесоюзной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1986. С. 22—26. {Koshkareva N. B. Patterns of possessive marking on participles in the participial-postpositional constructions in Khanty // Proceedings of the XXIV All-USSR conference for students «Student and scientific progress». Philology. Novosibirsk, 1986. P. 22—26.}
- Кошкарёва 1990 — Кошкарёва Н. Б. К вопросу об инфинитиве в хантыйском языке // Морфология глагола и структура предложения (Сборник научных трудов). Новосибирск, 1990. С. 79—92. {Koshkareva N. B. Towards the notion of infinitive in Khanty // Morphology of verb and sentence structure (Collection of articles). Novosibirsk, 1990. P. 79—92.}
- Кошкарёва 2011 — Вальгамова С. И., Кошкарёва Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурьшкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Екатеринбург, 2011. {Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shijanova A. A. Dialectological dictionary of Khanty (Shuryshkary and Obdorsk dialects) / ed. by N. B. Koshkareva. Ekaterinburg, 2011.}
- Кошкарёва 2013 — Кошкарёва Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. 2013, 3 (14). С. 47—78. {Koshkareva N. B. Current issues of developing Khanty graphics and orthography // Bulletin of Ugric Studies. 2013, 3 (14). P. 47—78.}
- Кошкарёва, Соловар 2007 — Кошкарёва Н. Б., Соловар В. Н. Увты муй ўвты. Курс практической фонетики хантыйского языка (казымский диалект). Новосибирск, 2007. {Koshkareva N. B., Solovar V. N. Увты муй ўвты. Course of Khanty practical phonetics (Kazym dialect). Novosibirsk, 2007.}

- Муравьев 2017a — *Муравьев Н. А.* Семантика и прагматика глагольных форм одновременности в мокшанских, коми-зырянских и хантыйских идиомах // Финно-угорский мир. 2017, 2. С. 52—62. {*Muravyev N. A.* Semantics and pragmatics of verbal forms expressing simultaneity in the Moksha Mordvin, Komi-Zyrian and Khanty dialects // *Finnougric World*. 2017, 2. P. 52—62.}
- Муравьев 2017б — *Муравьев Н. А.* Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология. Дисс ... канд. филол. наук. М., 2017. {*Muravyev N. A.* Taxis and taxis forms in the world's languages: taxonomy and typology. Candidate dissertation in philology. M., 2017.}
- Николаева 1995 — *Николаева И. А.* Обдорский диалект хантыйского языка. М. — Гамбург, 1995. {*Nikolaeva I. A.* The Obdorsk dialect of Khanty. M. — Hamburg, 1995.}
- Онина 2019 — *Онина С. В.* Способы выражения побуждения в хантыйском языке. Дисс ... докт. филол. наук. Рукопись. Ханты-Мансийск, 2019. (Использована версия от 29.04.2019) {*Onina S. V.* Imperative expressions in Khanty. Doctoral dissertation in philology. Manuscript. Khanty-Mansiysk, 2019. (Version of 29.04.2019).}
- Соловар 2014 — *Соловар В. Н.* Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014. {*Solovar V. N.* Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect). Khanty-Mansiysk, 2014.}
- Соловар и др. 2016 — *Соловар В. Н., Нахрочева Г. Л., Шиянова А. А.* Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. {*Solovar V. N., Nakhracheva G. L., Shijanov A. A.* Dialects of Khanty. Khanty-Mansiysk, 2016.}
- Черемисина, Кошкарева 1991 — *Черемисина М. И., Кошкарева Н. Б.* Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке. Методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск, 1991. {*Cheremisina M. I., Koshkareva N. B.* Complex sentence in Khanty. Methodological recommendations and practical tasks for the course «General linguistics». Novosibirsk, 1991.}
- Ядобчева-Дресвянина 2004 — *Ядобчева-Дресвянина В. Я.* Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс ... канд. филол. наук. СПб., 2004. {*Yadobcheva-Dresvyanina V. Ja.* Declension and conjugation in the Obdorsk dialect of Khanty. Candidate dissertation in philology. SPb, 2004.}
- Abondolo 1998 — *Abondolo D.* Khanty // *The Uralic languages* / ed. by Abondolo D. London, NY, 1998. P. 358—386.
- Csepregi 2014 — *Csepregi M.* Evidentiality in dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014, 3. P. 199—211.
- Honti 1986 — *Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Budapest, 1986.
- Koshkareva 2001 — *Koshkareva N.* The case systems of nouns and pronouns in Khanty // *Variierende Markierung von Nominalgruppen in Sprachen unterschiedlichen Typs* / ed. by Boeder W., Hentschel G. Oldenburg, 2001. P. 235—254.
- Kulonen 1989 — *Kulonen U.-M.* The passive in Ob-Ugrian. Helsinki, 1989.
- Moldanova, Normanskaia 2018 — *Moldanova I., Normanskaia Ju.* The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018. Vol. 5, 3.1. P. 197—204.
- Nikolaeva 1999 — *Nikolaeva I.* The semantics of Northern Khanty evidentials // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. Vol. 88. P. 131—159.
- Nikolaeva et al. 1993 — *Nikolaeva I., Kovgan E., Koshkareva N.* Communicative roles in Ostyak syntax // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 1993. Vol. 51. P. 125—167.
- Rédei 1965 — *Rédei K.* Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington, 1965.
- Steinitz 1975 — *Steinitz W.* Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Berlin, 1975.
- Wagner-Nagy 2011 — *Wagner-Nagy B.* On the typology of negation in Ob-Ugrian and Samoyedic languages. Helsinki, 2011.
- Ylikoski 2003 — *Ylikoski J.* Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // *SKY Journal of Linguistics*. 2003. Vol. 16. P. 185—237.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности глагольной морфологии в памятнике хантыйской письменности «Священная история» (Тобольск, 1900). Анализируется инвентарь лично-числовых показателей индикатива и императива. Обсуждается устройство пассивных конструкций. Дается краткий очерк системы нефинитных форм. Материал сопоставляется с опубликованными данными западных хантыйских диалектов.

SUMMARY

The article deals with verbal morphology in a Khanty manuscript “Holy history” (Tobolsk, 1900). I analyze the inventory of personal-number markers in indicative and imperative. Passive and evidential forms are

discussed as well. A brief overview of non-finite forms is provided. The material is compared with previously published data on Western Khanty dialects.

Ключевые слова: хантыйский язык, диалекты, письменные памятники, морфология глагола

Keywords: Khanty, dialects, ancient manuscripts, verbal morphology

Кашкин Егор Владимирович, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва), Томский государственный университет (Томск); egorka1988@gmail.com

Egor V. Kashkin, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS, Tomsk State University (Tomsk); egorka1988@gmail.com